

Образ императора дополняется у Филосторгия яркими конкретными деталями. Подчеркивая мужество Константина, Филосторгий рассказывает об опасности, которой он избежал, оказавшись на арене перед дикими зверями, но дает этому случаю не мистическое, а вполне реальное объяснение; он поясняет, что Константин служил в молодости в императорской гвардии и, подобно его сотоварищам, принимал участие в праздниках, выступая в цирке, где демонстрировал перед народом свою силу и умение сражаться с любым противником. Однако покров мистицизма не был полностью сорван Филосторгием с императора Константина. Знаменитая сцена с чудесным знамением огненного креста, появившегося на небе перед победой Константина над Максенцием, рисуется в житии поэтично, с глубокой верой в подлинность чуда. Описание события необычайно живописно. В ночь перед сражением автор рисует Константина с тревогой вглядывающимся в окружающую темноту и пытающимся представить себе силы своего противника. И в то время, когда среди глухого ропота в стане врага император слышал звуки воинской трубы и переключку стражи, он в тоске, которую на него навеяли неизвестность и эти ночные звуки, стал усердно молить Христа подать ему ободряющий знак; тогда-то в непроглядной тьме на небе возник огненный крест и буквы «сим победиши».

Версия этого чуда, приведенная у Филосторгия, близка к рассказу Лактанция, но отличается от традиционного описания Евсевия, согласно которому чудесное знамение явилось в полдень, в ярких лучах солнца, а не во тьме ночи. В новом «Житии Константина» традиционный рассказ Евсевия представлен в обновленном виде и в литературной манере, свойственной Филосторгию. Этот памятник представляет интерес как для более полного понимания мировоззрения Филосторгия, так и для более всесторонней оценки личности самого императора Константина. Портрет Константина, данный в этом житии, сильно отличается от благочестивого изображения Константина Евсевием, и в этом нашло отражение значительное изменение социально-политической атмосферы в империи. В то время как панегиристы императора, такие, как Праксагор, Бемарх, Либаний и другие языческие риторы, равно как и христианские агиографы, создав в своих панегириках идеальный образ героя, охотно скрывали некоторые компрометирующие факты из его жизни, Филосторгий, находясь в оппозиции, считал возможным для себя открыто критиковать Константина. Этот памятник передает дух времени, эволюцию настроений в среде христианско-еретической интеллигенции империи, атмосферу переоценки традиционного образа первого христианского императора, в результате которой были нарушены каноны житийного жанра, созданного столетие назад Евсевием Кесарийским.

Для политической позиции Филосторгия не менее показательна его характеристика императора Феодосия Великого. Феодосий покончил с языческим культом, и за это, пишет историк, бог вознаградил его военными успехами⁴⁶. Филосторгий, однако, сообщает, что Феодосий был человеком невоздержанным, преданным неумеренной роскоши, из-за чего и умер от водянки. Феодосий отлучил от церкви ариан — истинно верующих, и незадолго до его смерти на небе появилась комета в виде огненного меча — верный знак грядущей кары. Не успел Феодосий закрыть глаза, как в империи начался длинный ряд предсказанных в Священном писании бедствий. Картина бедствий империи после смерти императора Феодосия Великого, нарисованная Филосторгием в конце его книги, исполнена фанатической экзальтированности, жизненной правды и мрачного величия. Фальшивые пророки бесчинствуют, в церкви только и слышится их богохульство. А на императорском троне один вырождающийся правитель сменяет другого. Все губит постыдный фаворитизм⁴⁷.

⁴⁶ *Philostorg.*, XI, 2.

⁴⁷ *Ibid.*, S. CXXVII.